

ПОЛИТИЯ

Л. Г. Фишман

НАСЛЕДНИК И БАСТАРД**ЗАМЕТКИ О СОЦИАЛЬНОМ ГЕНЕЗИСЕ РЕСЕНТИМЕНТА**

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению социального генезиса resentment. Широко используемое сегодня понятие resentment в том виде, в каком его сформулировал Фридрих Ницше и уточнил Макс Шелер, оказывается одновременно и слишком, и недостаточно привязанным к социальной структуре обществ, для анализа которых оно применяется. Происходит это потому, что ницшевские и шелеровские представления о resentment хотя и отсылают к социоструктурным аспектам его генезиса, но делают это противоречиво и некорректно. Не замечая собственных противоречий, оба мыслителя возводят генезис resentment к моральным установкам низших классов. В статье на примере младших наследников и бастардов средневековых аристократических родов, а также других относительно привилегированных социальных групп демонстрируется, что истоки resentment следует искать скорее в верхних социальных стратах. Вместе с тем, как показывает автор, свойственный resentment комплекс моральных чувств и поведенческих стратегий может быть перенят и перенимается представителями других классов. В этом виде он обращает на себя внимание в эпохи, когда угнетенные классы приобретают реальные возможности для изменения своего положения или, во всяком случае, получают основания считать, что могли бы достичь большего, если бы такая возможность была им предоставлена.

Ключевые слова: resentment, аристократия, средний класс, зависть, Фридрих Ницше, Макс Шелер

Введение

Призрак бродит по миру, призрак resentment.

Resentment черных, которых упрекают за это в «черном расизме», и resentment белых, обнаруживших себя далеко не такими процветающими, как прежде. Зачастую подпитываемый религией resentment целых стран и регионов — как наследие в равной мере колониального прошлого и неудачных попыток присоединиться к цивилизованному миру. Resentment бедных, вытекающий из бессильного возмущения неспособностью и невозможностью изменить свое

положение. И ресентимент не самых обездоленных, но давно упершихся в «стеклянный потолок», который более не пробивается доступными социальными лифтами. С ними тесно переплетается ресентимент многочисленных мнимых и подлинных жертв дискриминации и разнообразных видов неравенства — от привычных классового и расового до культурного, телесного или гендерного. Надо всем этим гордо реет популизм, как правый, так и левый, для которого ресентимент — едва ли не второе имя. Ресентиментом пытаются объяснить почти все что угодно, начиная с победы Дональда Трампа в Америке¹ и заканчивая особенностями российской внутренней и внешней политики². Есть ли в современном мире хоть какая-нибудь политическая сила, которую ее противники не избличали бы в ресентименте? Соответственно, как со многими популярными терминами, с понятием ресентимента связаны определенного рода предрассудки, одному из которых посвящена настоящая статья.

¹ Giroux 2016.

² Ямпольский 2014.

Феномен ресентимента обращает на себя внимание в конце XIX — начале XX в., когда классы, ранее считавшиеся страдающими или неспособными изменить свое положение, начинают обретать силу. Ресентимент не является проблемой, когда силы у них еще нет и они не помышляют о том, чтобы стать чем-то бóльшим. Наличие ресентимента не так заметно, когда поле для его проявлений сужается ввиду роста возможностей угнетенных классов и интенсификации социальной мобильности, как это было в послевоенное тридцатилетие с характерными для него ростом среднего класса, повышением влияния организованных трудящихся, расцветом социального государства. Однако сегодня мы имеем дело с последствиями десятилетий неолиберальной социальной политики — падением влияния организаций трудящихся, сокращением среднего класса, прекарризацией³, кризисом «общества труда» и т.д. В результате снова удобряется почва для всех тех чувств, поведенческих установок и моральных стратегий, которые объединяются в феномене ресентимента и представляют собой смесь негодования по поводу своего ущемленного положения и осознания неспособности его сейчас изменить.

³ О связи ресентимента и прекарризации см., в частности, Беспалова и Кондаков 2016.

Современность открывает для проявлений ресентимента новые горизонты. Феномен ресентимента возник в эпоху «восстания масс», когда невиданное ранее приобщение народов к культуре позволило говорить о ее относительном упадке вследствие демократизации: грубый голос народа стал слышней, чем в прежние эпохи. Сегодня, в силу ряда причин, связанных с техническим прогрессом и культурными трансформациями, этот голос еще слышнее. Массы впервые в истории приобрели возможность высказываться практически без институциональных фильтров в виде высшего образования, без цензуры, которую подразумевали даже самые демократические газеты, — и быть услышанными. Отсюда, в частности, взлет разного рода хейтерства, когда возродившееся чувство бессилия от невозможности действительно изменить свое положение, в равной мере выплескивается и на элиты,

и на людей, сходных по социальному статусу, но отличающихся политическими взглядами, моральными установками, полом, цветом кожи. Ситуацию усугубляет тот факт, что, по справедливому замечанию Ирины Шафаревич, «в социальных сетях люди, представляющие определенные слои общества, демонстрируют высокий уровень жизни, достаток, успешность и беззаботную жизнь, которые выступают предметом зависти и ненависти тех, кто не может получить данные материальные и духовные блага. Отсутствие возможности самореализации, неполноценность и неудовлетворенность создают благоприятные условия для формирования ресентимента»⁴.

⁴ Шафаревич
2019: 57.

**Социальный
генезис
ресентимента:
противоречия
в классическом
понимании**

Вопрос, которому мы хотели бы посвятить это небольшое исследование, заключается в следующем. Понятие ресентимента, казалось бы, имеет огромный потенциал при осмыслении ряда моральных и политических аспектов трансформаций, происходящих в современных обществах. Но в том виде, в котором его сформулировал Фридрих Ницше, уточнил Макс Шелер и в каком его обычно используют сейчас⁵, оно оказывается одновременно и слишком, и недостаточно привязанным к социальной структуре обществ, для анализа которых применяется. Происходит это потому, что ницшевские и шелеровские представления о ресентименте хотя и отсылают к социоструктурным аспектам его генезиса, но делают это противоречиво и некорректно.

⁵ То есть преимущественно как феноменальное единство переживаний и действия, обусловленное бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью отомстить виновникам перманентного унижения.

Как замечает Чер-унг Пак, у Шелера ресентимент «всегда проявляется в неразрывной связи с определенной исторической и социальной констелляцией. Исследовать его — значит узнать, в рамках каких социальных условий он возник. <...> Шелер выделяет ресентиментные типы, существование которых не зависит от индивидуальных характеров и переживаний, поскольку они имеют свое основание в известных, типично повторяющихся человеческих „ситуациях“»⁶. Иными словами, понятие ресентимента подразумевает отсылку одновременно и к социальной группе (без которой оно потеряло бы значительную часть своей убедительности), и к «человеческой ситуации» (которая не может быть четко привязана к той или иной социальной группе). Но вместо обращения к реальным социальным группам и «человеческим ситуациям» оно имеет дело с крайне идеализированными и упрощенными их образами, со стереотипами, долгое время присутствовавшими в культуре вполне определенного класса. Ницше и Шелер увязывали генезис этих «типично повторяющихся человеческих ситуаций», характеризующихся слабостью, бессилием, отложенным стремлением к мести и т.д., практически исключительно с низшими классами («мораль рабов»), а их противоположность — с классами высшими, с аристократией («мораль господ»). Аристократичность, от которой они отталкивались, для них (как позже и для Николая Бердяева) имела исключительно духовное происхождение. Она налагала «обязанности благородства» и была прекрасна, тогда как «плебейская

⁶ Пак 1997: 154.

обида на мир, подпольная озлобленность, уязвленность неблагородны, уродливы»⁷.

⁷ Бердяев 1907: V.

⁸ Примечательно, что это констатирует и Ницше, замечая, что феномен ресентимента зародился в Европе в качестве «комплекса негативных эмоций», всплеска ненависти, ожесточения толпы против реформ XVI—XVII вв., призванных преобразовать католическое христианство (Ницше 1990: 82), однако потом сводит ресентимент к «морали рабов».

⁹ Шелер 1999: 20—21.

¹⁰ Там же: 30.

¹¹ Там же: 21.

¹² Там же: 24.

¹³ А не только между разными социальными группами, поколениями, членами семьи, о чем он подробно рассуждает.

Между тем уже само то обстоятельство, что феномен ресентимента был замечен именно в эпоху подъема *силы низших классов*⁸, обнаруживает всю некорректность этого уязывания, всю произвольность этой претензии частного в морали на всеобщее. Шелер отчетливо понимал, что ресентимент не может вырасти из абсолютной униженности и бессилия: «Раб, по природе являющийся рабом или чувствующий и сознающий себя рабом, не испытывает никакого чувства мести, когда хозяин оскорбляет его; точно так же и распекаемый слуга-подхалим, и ребенок, получающий затрещину. Наоборот, высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыня, не соответствующая внешнему статусу, особенно благоприятны для пробуждения чувства мести»⁹. «Средневековый крестьянин, живший до XIII века, не сравнивал себя со своим господином, ремесленник не сравнивал себя с рыцарем и т.д. Крестьянин равнялся в лучшем случае на более богатого или уважаемого крестьянина — и точно так же дело обстоит у всех: сравнение происходило только внутри собственной сословной сферы»¹⁰. Тем более удивительно, что, в одном весьма важном аспекте сказав «а», Шелер не говорит «б» и, похоже, этого «б» вовсе не видит. Он признает, что «максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, *почти равные политические права и, соответственно, формальное, публично признанное социальное равноправие* (курсив наш. — Л.Ф.) соседствует с огромными различиями в фактической власти»¹¹, и что вторым фактором в формировании ресентимента являются «зависть, ревность и стремление к конкуренции»¹². Тем не менее ему не приходит в голову, что подобные отношения и подобные чувства возможны между членами *одного* класса¹³. И этот класс находится отнюдь не внизу социальной пирамиды.

Ресентимент — мораль аристократии или мораль рабов?

Сколь бы самоочевидной в силу подкупающей простоты ни казалась связь между ресентиментом и низшими классами, сам комплекс характерных для него моральных чувств и стратегий поведения вряд ли мог *появиться* среди низших классов. Гораздо резонней предположить, что для его появления как значимого социального феномена было необходимо не уникальное сочетание черт личности у раба или крестьянина, одержимого, подобно старухе из сказки о золотой рыбке, неправомерной гордыней, а положение в социальной структуре, которое бы генерировало «высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыню, не соответствующую внешнему статусу». Социально обусловленная зависть, которая, как считается, лежит в основании ресентимента, возникает и поддерживается вовсе не тогда, когда расстояние между завистником и объектом зависти велико, а, наоборот, когда оно минимально¹⁴. А если и не минимально, то видится вполне преодолимым легальным путем.

¹⁴ Кустарев 2017: 8.

Сегодня с ресентиментом обычно связывают популизм — по определению представительство низших классов. Но, как пронциательно писал Ричард Сеннет еще по поводу Ричарда Никсона, «его симпатии — не приверженность новому порядку, но скорее чистое негодование, *ressentiment* по отношению к порядку существующему. В глубине души его политика — это политика пренебрежения к знати, критикующая недоступность привилегированных школ; класс, к которому он апеллирует, ненавидит привилегированных, но не собирается упразднить сами привилегии. Критикуя истеблишмент, *представители этого класса* (курсив наш. — Л.Ф.) надеются пробить в его стенах брешь, через которую они сами смогли бы по одному пробраться по ту сторону»¹⁵. Что же это за класс? Точно не пролетариат, по крайней мере американский. Как настойчиво подчеркивает Пол Фассел, пролетарии совсем не завидуют самым высшим классам; напротив, все оттенки зависти низших к высшим легко обнаруживаются между различными градациями среднего класса¹⁶.

¹⁵ Сеннет 2002: 315.

¹⁶ Фассел 2021.

Поэтому картина, согласно которой рабы и маргиналы совершают колоссальную духовную работу по переоценке ценностей, в результате чего чувства бессилия и отчаяния, желание мести и осознание того, что она не может реализоваться в адекватных поступках, подвергаются колоссальной культурной переработке, и в итоге бессилие трансформируется в силу, поражение — в победу, а «*ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности»¹⁷, выглядит малоубедительной. Не стоит забывать, что революционеры, которые формулируют и воплощают на практике «ресентиментные» теории, обычно происходят из не самых обездоленных слоев, а часто все из тех же аристократов или буржуа. То же касается и феноменов, в которых типичным для ресентимента образом тесно переплетаются политика и искусство. Так, «школа ресентимента»¹⁸ в Америке возникла не тогда, когда негры были рабами, а женщины домохозяйками, а тогда, когда многие из них стали университетскими профессорами и развернули идеологизированные этнические, гендерные и «квирные» штудии. И поскольку речь зашла о политиках идентичности, с которыми нередко связывается современный ресентимент, стоит особо заметить, что он выражается в категориях *достоинства*¹⁹, защиты *оскорбленных чувств, компенсации* за прежние несправедливости в форме привилегий²⁰. Все это вызывает ассоциации с этосом некоего привилегированного, квазиаристократического социального слоя, который если и не страдает сам, то выражает чаяния страдающих на своем языке.

¹⁷ Гусейнов (ред.) 2003: 690.

¹⁸ Блум 2017: 12.

¹⁹ Мчедлова и Казаринова 2020: 28.

²⁰ Миллер 2020: 12.

Иными словами, генезис ресентимента следует искать в высших классах или близких к ним социальных группах. Но, конечно, нельзя отрицать, что в дальнейшем свойственный ресентименту комплекс моральных чувств и поведенческих стратегий может быть перенят другими классами. В этом виде он обращает на себя внимание в эпохи, когда угнетенные классы приобретают реальные возможности для изменения своего положения или, во всяком случае, получают основания считать,

что могли бы достичь большего, если бы такая возможность им была предоставлена.

Правдоподобные представления о генезисе ressentimentа в более ранние эпохи (то есть, если следовать Ницше, в эпоху античности и Средние века) можно получить путем выявления таких социальных групп (и типичных для них «человеческих ситуаций»), статус которых хотя бы в некоторых существенных отношениях близок к статусу высших классов, а «слабость» и «униженность» лишь относительны и оставляют надежду на изменения к лучшему. В настоящей статье мы попытаемся описать некоторые из ситуаций, сыгравших, по нашему мнению, ключевую роль в генезисе ressentimentа в европейской культуре. Как бы парадоксально это ни выглядело с точки зрения мыслителей, введших понятие ressentimentа, эти ситуации связаны с максимальной близостью к феодальной аристократии, то есть к той социальной группе, с которой Ницше и Шелер связывали прямую противоположность ressentimentу.

Речь идет о двух типических ситуациях, имеющих непосредственное отношение к наследованию социального статуса, — младшего сына и бастарда.

Долгое время действовавшая в Западной Европе система майората дискриминировала младших наследников, которым приходилось делать карьеру по церковной линии, в свободных профессиях, заниматься наемничеством или даже торговлей. Чем строже соблюдался этот принцип, тем сильнее в глазах младших представителей рода проявлялась его несправедливость. К периоду изживания феодальных порядков в Европе комплекс переживаний обделенных наследников породил настроения, выразившиеся, в частности, в словах Монтескье: «Дух тщеславия установил у европейцев несправедливое право старшинства, столь неблагоприятное для продолжения рода, ибо оно побуждает отца все внимание уделять только одному ребенку и отвлекает его от других, вынуждает его противиться благосостоянию нескольких детей, чтобы обеспечить благосостояние старшего, разрушает, наконец, гражданское равенство, на котором зиждется процветание общества»²¹. Заметим, что этот пассаж, начинающийся с вполне ressentimentного отторжения «духа тщеславия» (своего рода «блестящего порока», свойственного аристократии и осуждаемого с позиции младших детей из все той же аристократии), заканчивается отсылкой к принципу гражданского равенства. Эта могущественная идеологическая доктрина третьего сословия в Великую французскую революцию оказалась созвучна настроениям многих представителей дворянства — может быть, потому, что она вытекала и из их собственной «человеческой ситуации».

Другая ситуация, в ряде аспектов более показательная, чем описанная выше, — это положение бастардов в средневековой Европе. До XII в. высокородные бастарды даже формально могли претендовать на то же, что и законные наследники могущественных аристократических и королевских родов. Карьеры Вильгельма Завоевателя и Владимира

²¹ Монтескье б.г.

Красно Солнышко — яркие тому свидетельства. Например, согласно валлийскому праву, еще в начале XIII в. бастарды, признанные отцами, имели право на имя отца, его опеку, наследовали имущество и власть²². Затем, как отмечает Галина Зеленина, «возможности для них сократились (в отличие от предшествующих столетий, бастарды аристократов больше не могли быть признаны наследниками, стать князьями церкви или — в Англии — пэрами), но при этом их статус и имеющиеся права были юридически зафиксированы, и в этом смысле бастарды были узаконены»²³. Такое двусмысленное положение не позволяло бастардам законно претендовать на высшие места в социальной иерархии²⁴. Однако они имели шанс достичь своего силой, когда мятежная знать поддерживала их против законных наследников. Показательно, что в тот же период в произведениях вроде французской эпической поэмы «Рауль де Камбре» и других текстах бастардами оказывались самые любимые и почитаемые герои — например, король Артур и Карл Великий²⁵. Позже манифест такого рода настроений прозвучит из уст Эдмонда, побочного сына Короля Лира:

²² Лошкарева 2017: 100.

²³ Зеленина 2017.

²⁴ Даже и в более поздние времена перспективы бастардов всецело зависели от богатства и произвола родителей. Так, в дореволюционной России одним бастардам доставались графские титулы, как четверым сыновьям фаворита императрицы Елизаветы Алексея Разумовского, другие могли рассчитывать на выдающуюся научную или литературную карьеру, как Василий Жуковский и Александр Бородин, а третьи становились изгоями, лишенными дворянских привилегий (Черкашина и Лаврентьева 2020: 194—195).

²⁵ Зеленина 2017.

²⁶ У.Шекспир. «Король Лир». Акт I. Сцена 2. Пер. Б.Пастернака.

Побочный сын! Что значит сын побочный?
 Не крепче ль я и краше сыновей
 Иных почтенных матерей семейства?
 За что же нам колоть глаза стыдом?
 И в чем тут стыд? В том, что свежей и ярче
 Передают наследственность тайком,
 Чем на прискучившем законном ложе,
 Основывая целый род глупцов
 Меж сном и бдением? Да, Эдгар законный,
 Твоей землей хочу я завладеть.
 Любовь отца к внебрачному Эдмонду
 Не меньше, чем к тебе, законный брат.
 Какое слово странное: «законный»!
 Ну ладно, мой законный. Вот письмо,
 И если мой подлог сойдет успешно,
 Эдмонд незнатный знатного столкнет.
 Я в цвете сил. Я подымаюсь в гору.
 Храните, боги, незаконных впрядь!²⁶

Не проявляется ли таким образом исторически первая, аристократическая форма ресентимента, когда самым любимым и достойным объявляется ущемленный в правах, но в конечном счете добивающийся своего бастард? И не отсюда ли вытекает «ресентиментное» представление, что возвеличивать надо исключительно по заслугам, а не по происхождению, — представление, которое позже станет идеологическим оружием в руках противников наследственных привилегий? Несмотря на то что положительные ответы на эти вопросы кажутся нам обоснованными, ожидаемо возражение следующего характера.

²⁷ См., напр. Fassin 2013; Reichold 2017; TenHouten 2018.

Не смешиваем ли мы здесь разные, хотя и близкие явления: ресентимент (ressentiment), с одной стороны, и чувства негодования и обиды (resentment) — с другой?²⁷ Иначе говоря, не имеем ли мы в случае младших наследников и бастардов дело с обычными обидой и негодованием, а не собственно с ресентиментом? Действительно, так, скорее всего, и было, особенно в период, когда принцип майората еще не возобладали, а права незаконнорожденных наследников не были четко закреплены и столь же четко ограничены. Но когда приниженное положение младших наследников и бастардов было закреплено, тем самым закрыв перед ними ряд дорог, открытых аристократам, так сказать, первого сорта, было выполнено главное условие превращения гнева, обиды и зависти в собственно ресентимент — ощущение невозможности изменить свое положение.

²⁸ Франсуа Рене де Шатобриан б.г.

Как заметил когда-то Франсуа Рене де Шатобриан, «аристократия проходит через три последовательных возраста: возраст превосходства, возраст привилегий, возраст тщеславия; по выходе из первого она вырождается во втором и угасает в третьем»²⁸. Даже если отвлечься от специфических ситуаций младшего наследника и бастарда, трудно не заметить, что само по себе существование аристократии зиждется на, если так можно выразиться, институционализированном ресентименте. Каковы бы ни были личные достоинства идеализированных основателей родов и династий, природа нередко отдыхает на потомках, которым для сохранения своего положения остается рассчитывать на законодательное закрепление своих привилегий и насилие. В сущности, это означает институционализацию признания собственной относительной ущербности по сравнению со славными предками, которым люди, как гласит предание, подчинялись почти исключительно вследствие их высоких личных достоинств. И это тщательно маскируемое ощущение ущербности бессильно по отношению к его *настоящим* виновникам. Точно так же бессильно возмущение по поводу несправедливости судьбы, наделившей тебя недостаточно знатными предками или прочими не слишком благоприятными обстоятельствами рождения.

Однако коллизии, связанные с невозможностью изменить прошлое, являются, на наш взгляд, одной из важнейших составляющих не только старого аристократического, но и современного ресентимента. Разумеется, можно потребовать компенсаций с потомков тех, кто когда-то угнетал и обращал в рабство твоих предков, или начать дискриминировать представителей сильного пола, виновного в многотысячелетнем патриархате. Все это ни в коей мере не отменит того, что настоящим виновникам уже отомстить нельзя по естественным причинам — разве что сбросить их памятники. Да и можно ли вообще адекватно вычислить компенсацию за преимущества, приобретенные белыми вследствие нескольких сот лет эксплуатации афроамериканцев, за столетия «структурного расизма»? В данном случае ресентимент подпитывается глубинным осознанием невозможности с помощью каких угодно компенсаций исправить наиболее тяжелые

последствия тысячелетних несправедливостей. Во-первых, потому, что компенсация по определению не возвращает утраченного, а дает некий суррогат взамен. Во-вторых, потому, что плодами компенсации могут воспользоваться не сами жертвы несправедливостей, а их отнесенительно благоденствующие потомки. Тезис об адекватности компенсаций действителен лишь в том случае, когда получающие их всерьез верят, что через них данные компенсации достаются давно усопшим предкам или, в сниженном варианте, что народ наслаждается икрой и шампанским «устах лучших своих представителей». В таких ситуациях наиболее ярко проступает сущность ресентимента, заключающаяся в невозможности адекватной мести или возмещения, несмотря на, казалось бы, достигнутое формальное равноправие. Эта сущность проявляется в политике многих сегодняшних левых, которых упрекают в том, что, следуя политике идентичности, они идут по легкому пути, ибо «легче спорить по культурным вопросам, чем менять политику»²⁹. Иными словами, беда левых видится в том, что политику как «искусство возможного» они подменили ресентиментом, который исходит из невозможности решить некие фундаментальные проблемы (бедности, социального неравенства и т.п.). Парадоксальным образом отказ от одного *невозможного* маскируется здесь борьбой за другое *невозможное* — за компенсацию того, что нельзя компенсировать по определению.

²⁹ Фукуяма 2018.

Мы вряд ли ошибемся, предположив, что человеческие ситуации, порождающие феномен ресентимента близ верхушки социальной пирамиды, возникают и в среде других высших классов того периода, который Карл Маркс называл предысторией человечества. Отдельного исследования в рамках данной проблематики заслуживает специфическое положение женщин господствующих классов. Каким бы привилегированным оно ни было относительно прочих социальных слоев, по отношению к мужчинам того же класса женщины почти всегда оставались в подчиненном и ущемленном положении. Поэтому, например, читая письмо Эбигейл Адамс к своему мужу, известному деятелю Американской революции, где она просит его вспомнить о правах женщин³⁰, не следует забывать, что здесь звучит голос человека, находящегося в максимально близком к элитам по статусу положении, но столь же ущемленном и зависимом, как бастарды и младшие сыновья несколько веков назад. Этой разновидностью людей «второго сорта» тем скорее овладевают ресентиментные чувства, чем меньше по уровню образования и образу жизни они отличаются от людей «первого сорта» — элитариев-мужчин. Если вспомнить, что такая насыщенная ресентиментом (по выражению Ницше) религия, как христианство, одержала победу во многом усилиями женщин-патрицианок, это тоже будет весомым аргументом в пользу зарождения ресентимента ближе к верхушке классовой пирамиды, нежели к ее основанию.

³⁰ Эбигейл Адамс б.г.

**Ресентимент:
пути передачи
«сверху вниз»**

Исходя из сказанного, необходимым шагом в «социологизации» понятия ресентимента является ответ на вопрос: каким образом ресентимент спускается вниз по социальной лестнице? Здесь стоит заметить, что проникновению ресентиментных настроений в социальные низы способствовал уже сам по себе майорат. Младшие дети дворян становились священниками, военными, монахами, торговцами. Некоторые уезжали за океан, открывали и завоевывали новые страны. В своей книге о формировании «преследующего общества» в Европе XII в. Роберт Мур обращает внимание на прослойку младших сыновей рыцарей, часто незаконнорожденных, оказавшихся жертвами ужесточившихся законов о наследовании. Вследствие шаткости своего положения эти люди постоянно конкурировали за благосклонность покровителей, которая давала им должности, известность и богатство, боясь потерять ее, а вместе с ней и все, что у них было³¹. Ради укрепления собственного положения они были вынуждены проявлять повышенное рвение в формировании государственно-бюрократических структур в Западной Европе и за ее пределами (много младших сыновей, покинувших родину, было, в частности, среди жителей английских колоний в Северной Америке). Поступив на государственную службу или выбрав церковную карьеру, обделенные из аристократического класса отличались рвением и в преследовании социальных групп, признанных опасными для общества (еретиков, евреев, прокаженных и др.). Закономерно предположить, что их деятельность порождала у преследуемых чувства ненависти и бессилия, которые отчасти испытывали они сами, причем эти ненависть и бессилие должны были обретать гораздо более выраженный ресентиментный характер ввиду значительно меньших возможностей изменить свое положение.

В других случаях ресентимент выступает как комплекс чувств и установок, которые низшие классы перенимают от высших как свидетельство приобщения к культуре и, так сказать, проблемам высших классов. Это относится отнюдь не только к моде или бытовым привычкам. В основе национализма, например, лежит отождествление человека из социальных низов с высшими классами своей страны. Национальные элиты заинтересованы в том, чтобы не-элиты воспринимали силу богатых и влиятельных как свою собственную. В такой ситуации низы как бы приобщаются к *силе* верхов. Но точно так же «сверху вниз» транслируются ощущение *слабости* и чувство негодования. С этим мы сталкиваемся, в частности, когда при проведении реформ одна страна пытается подражать другим, служащим ей эталоном, но терпит неудачу. Вследствие этого, как замечают Эдуард Понарин и Борис Соколов, опираясь на концепцию Лии Гринфельд³², у населения этой страны «развивается разочарование, перерастающее в агрессивную неприязнь к государству, бывшему ранее образцом. Особую роль в этом процессе играют элиты (в первую очередь интеллектуальная элита), которые сначала создают некий идеал, на который призывают равняться (Англия для французских интеллектуалов первой половины XVIII века,

³¹ Moore 2007: 167.

³² Гринфельд 2012: 351—375.

³³ Понарин и Соколов 2014: 105.

³⁴ Крестев 2021: 46–66.

Франция для немцев времен наполеоновских войн и т.д.), а затем, по мере разочарования, переходят в оппозицию к своим недавним кумирам»³³. Здесь имеет значение и то, что неизбежная при таких обстоятельствах стратегия имитации сама по себе довольно унижительна, особенно если провозглашается «конец истории» и отсутствие альтернативы. В результате и для обществ в целом успехи имитации начинают выглядеть свидетельствами не столько социальных достижений, сколько социальной неполноценности³⁴ — и порождают характерный комплекс чувств и соответствующих им политических дискурсов.

В отличие от ситуации великих революций, бенефициарами рессентимента тут однозначно оказываются правящие элиты: солидаризация с ними низов в общем ощущении слабости становится их (элит) силой. В этом смысле достаточно типичен пример современной России, где после крушения советского строя проводились реформы по западному образцу, не увенчавшиеся однозначным успехом или совсем не достигшие поставленных целей. Принципиальным здесь было, собственно, не достижение целей вестернизации, а то, что российские элиты, несмотря на все усилия и уступки «западным партнерам», так и не стали для них «своими» — при формальном равноправии. Наложившись на объективные экономические и политические противоречия между Россией и Западом, состояние отторжения привело к тому, что на уровне риторики постепенно возобладали антизападничество, идеи «особого пути», в свою очередь, пробудившие потребность в теоретическом объяснении-оправдании невозможности «догнать Запад» («эффект колеи», неблагоприятный климат, отсутствие пригодных для эксплуатации колоний и т.д.). Именно в этом кроется одна из причин популярности критики концепций модернизации, что отвечает настроениям правящей элиты. На уровне масс соответствующие чувства находят выражение в антиамериканизме, осуждении разлагающейся лицемерной и двуличной Европы, приписывании недифференцированному Западу постоянных злых умыслов по отношению к России. При всем том применительно к современной России трудно говорить о полной неспособности «отомстить» обидчику (что лежит в основе рессентимента). Напротив, сжечь Запад, а заодно и весь мир в ядерном огне она как раз в состоянии. Не следует также упускать из вида то обстоятельство, что, в отличие от Восточной Европы, у нас, в сущности, и не пытались всерьез воспроизвести западный путь. Как утверждает Глеб Павловский, «РФ не подражала западному „победителю“ — имитирование в Москве изначально применяли как технику. РФ декларирует готовность имитировать западные институты. Но сама российская аппаратура имитации не являлась институтами демократии и не собиралась ими быть»³⁵. И то и другое снижает не только градус рессентимента, но и его творческий потенциал. Не потому ли элиты современной России не могут выдвинуть в качестве альтернативы какой-либо мессианский мироустроительный проект? В подобных условиях наиболее комфортным предстает ожидание мести, надежда на крушение зловредного Запада. Характерно,

³⁵ Павловский 2019.

что крушение это (а значит, и месть) отодвигается в неопределенное будущее. Однако признаки его неотвратимости обнаруживают постоянно — и в нарастающей порче западных нравов, и в западной демографии, и в социальных проблемах Запада и сопутствующих им политических потрясениях вроде «желтых жилетов», Brexit, избрания Трампа, движения BLM, штурма Капитолия и т.д. Там, где чувство унижения и желание отомстить не достигают достаточного накала, не возникает и сильного творческого порыва с целью изменить мир. Остается лишь злорадная надежда когда-нибудь увидеть проплывающий мимо труп врага, после чего его наследие достанется тебе естественным образом.

Заключение

Утверждения, что аристократическая среда, особенно придворная, есть место интриг, зависти, подлых приемов, постоянного соперничества, выявления тех, кто слабей, с целью унижить и т.д., — банальность для всякого современника господства аристократии в любой исторический период. Все это просто неизбежно для класса, который отделяется от других и регулирует отношения внутри себя путем построения иерархической системы привилегий. Не менее банально представление о том, что распространение в обществах культурных и цивилизационных достижений (в том числе и сомнительных в моральном плане) идет сверху вниз: буржуа подражают аристократам, пролетарии — буржуазии. Увы, как справедливо замечает Сьёрд ван Тайнен, человек ресентимента принципиально неспособен поставить диагноз самому себе³⁶. Вероятно, поэтому все описанные выше явления не рассматривались творцами концепции ресентимента в качестве предпосылок его формирования. Находясь в плену странного самоослепления, они отрицали наличие у аристократии даже обычной зависти и генезис ресентимента искали в «морали рабов».

И сегодня, несмотря на то что ресентимент объективно зарождается в среде постоянно конкурирующих между собой представителей и целых слоев высших классов, а затем различными путями спускается вниз по социальной лестнице³⁷, именно из уст истеблишмента обычно вылетают обвинения низов и прочего «быдла» в ресентименте. Любые действия низов, направленные на улучшение своего положения, любая интеллектуальная активность в пользу угнетенных непременно сопровождаются объяснениями в том духе, что они суть следствие зависти низших к успешности, талантам и богатству высших. Более рафинированные объяснения этого сорта воспроизводят рассуждения Мартина Хайдеггера о «неподлинном модусе существования» человека массового общества, о том, что правящая в этом обществе «серединность» (*das Man*) «следит за всяким выбивающимся исключением», «подавляет всякое превосходство», «сглаживает все оригинальное»³⁸. Непривилегированным классам приписывается собственная озабоченность знаниями как главной в настоящее время формой собственности, провозглашается, что именно неравенство в знании узвывает угнетенных и порождает ресентимент.

³⁶ Tuinen 2011: 230.

³⁷ Например, через аристократов, вынужденных заниматься наемничеством или торговлей, или через разоряющихся буржуа, опускающихся в ряды наемных работников умственного и физического труда.

³⁸ Хайдеггер 1997: 127.

Дающие подобные объяснения полагают, что если непривилегированные избиратели голосуют за Трампа, Владимира Путина и прочих авторитарных лидеров, то это потому, что «роскошь, незаконная приватизация собственности, коррупция» оскорбляют их меньше, чем «пренебрежение со стороны прогрессивной интеллигенции с ее усложненными лексиконами интеллектуальной культуры, просвещения и образования»³⁹. При этом самих себя они описывают как людей, «далеких от тяжелых социальных и когнитивных лишений и при этом никогда не испытывающих сомнений в собственных социальных и когнитивных преимуществах и достоинствах, не говоря уже о нужде отказа от них»⁴⁰. Тут мы видим своеобразную попытку выдать желаемое за действительное — приписывание себе той социальной позиции, в нахождении на которой ты не имеешь твердых оснований быть уверенным. Да, заявление, что реальный представитель «прогрессивной интеллигенции» убежден в своих «когнитивных преимуществах и достоинствах», звучит правдоподобно. Однако никак нельзя сказать, что эта перманентно сомневающаяся в твердости своего статуса социальная страта, которой к тому же не повезло жить в эпоху упадка среднего класса, непоколебимо убеждена в своих достоинствах социальных, о чем свидетельствуют, в частности, описания этого класса, данные Дэвидом Бруксом⁴¹ или Фасселом⁴². В чем нет никаких сомнений, так это в том, что «прогрессивная интеллигенция» в первую очередь озабочена своим социальным статусом. Отсюда и вытекают как характерные для нее ресентиментные политические дискурсы, так и солипсистское стремление приписать свою мотивацию другим. В действительности и сам ресентимент, и представление о его природе — своего рода «горячая картошка», которую высшие и средние классы регулярно бросают низшим. Но «горячая картошка», как известно, летает в обе стороны.

³⁹ Чухров 2018: 158—159.

⁴⁰ Там же: 164.

⁴¹ Брукс 2013.

⁴² Фассел 2021.

Библиография

Бердяев Н. (1907) *Новое религиозное сознание и общественность*. СПб.: Издание М.В.Пирожкова. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_novoe_rel_sozn/ (проверено 30.03.2021).

Беспалова Ю.М. и В.А.Кондаков. (2016) «Прекариат в современной России: опасность ресентимента» // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, № 2: 6—11.

Блум Г. (2017) *Западный канон: Книги и школа всех времен*. М.: Новое литературное обозрение.

Брукс Д. (2013) *Бобо в раю: Откуда берется новая элита*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Гринфельд Л. (2012) *Национализм: Пять путей к современности*. М.: ПЕР СЭ.

Гусейнов А.А., ред. (2003) *История этических учений*. М.: Гардарики. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gusein/index.php (проверено 30.03.2021).

Зеленина Г. (2017) *Кто такие бастарды?* URL: <https://postnauka.ru/faq/79120> (проверено 30.03.2021).

Крастов И. (2021) «Тернии „нормальности“: конец эпохи имитации» // Рогов К., ред. *Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя*. М.: Новое литературное обозрение: 46—66.

Кустарев А. (2017) «The Word of the Day Is Resentment» // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*, № 1: 3—10.

Лошкарева М.Е. (2017) «Johanna domina Walliae» // *Вестник Томского государственного университета. История*, № 50: 98—102.

Миллер А.И. (2020) «Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении?» // Миллер А. и Д.Ефременко, ред. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: 8—15.

Монтескье Ш.Л. *Персидские письма*. URL: https://librebook.me/lettres_persanes/vol1/120 (проверено 30.03.2021).

Мчедлова М.М. и Д.Б.Казаринова. (2020) «Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий» // *Политическая наука*, № 4: 13—36.

Ницше Ф. (1990) «К генеалогии морали» // Ницше Ф. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. М.: Мысль: 407—525.

Павловский Г. (2019) *Ироническая империя: Риск, шанс и догмы Системы РФ*. М.: Европа. URL: <https://pub.wikireading.ru/h89xCeSPZN> (проверено 30.03.2021).

Пак Ч. (1997) «Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств» // *Социологический журнал*, № 4: 151—164. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/404/1229> (проверено 30.03.2021).

Понарин Э. и Б.Соколов. (2014) «Глобальная политика глазами российской элиты: Анализ данных опросов 1993—2012 гг.» // *Россия в глобальной политике*, т. 12, № 5: 100—112.

Сеннет Р. (2002) *Падение публичного человека*. М.: Логос.

Фассел П. (2021) *Класс: Путеводитель по статусной системе Америки*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Франсуа Рене де Шатобриан: цитаты, афоризмы, высказывания. URL: <https://aforisma.ru/fransua-shatobrian-citaty/> (проверено 29.03.2021).

Фукуяма Ф. (2018) *Против политики идентичности*. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/14/fukuyama-politika-identichnosti-i-predposylki-grazhdanskoj-voynu-v-ssha> (проверено 29.03.2021).

Хайдеггер М. (1997) *Бытие и время*. М.: Ad Marginem.

Черкашина Н.В. и Т.В.Лаврентьева. (2020) «Внебрачные (незаконнорожденные) дети дореволюционной России: правовой аспект» // *Право и государство: теория и практика*, № 1 (181): 194—195.

Чухров К. (2018) «Кто творит революцию в эпоху спекулятивного дизайна?» // *Stasis*, т. 6, № 2: 156—175.

Шафаревич И.О. (2019) «Понятие ресентимента как инструмента анализа социальных явлений» // *Социология*, № 3: 54—58.

Шелер М. (1999) *Ресентимент в структуре моралей*. СПб.: Наука; Университетская книга. URL: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/sheler.pdf> (проверено 30.03.2021).

Эбигейл Адамс призывает мужа «вспомнить дам». URL: <https://ru.passosdelegant.com/abigail-adams-urges-husband-to-remember-the-ladies-3754> (проверено 30.03.2021).

Ямпольский М. (2014) *В стране победившего ресентимента*. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/4887-v-strane-pobedivshego-resentimenta> (проверено 30.03.2021).

Fassin D. (2013) «On Resentment and Ressentiment. The Politics and Ethics of Moral Emotions» // *Current Anthropology*, vol. 54, no. 3: 249—267.

Giroux H. (2016) *The Authoritarian Politics of Resentment in Trump's America*. URL: <https://truthout.org/articles/the-authoritarian-politics-of-resentment-in-trump-s-america/> (accessed on 29.03.2021).

Moore R.I. (2007) *The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe, 950—1250*. Oxford: Blackwell.

Reichold A. (2017) «Resentment and Societal Transformation: A Rule-Related Argument against Martha Nussbaum's Critique of Anger» // Brunkhorst H., D.Vujadinovic, and T.Marinkovic, eds. *European Democracy in Crisis: Politics under Challenge and Social Movements*. Utrecht: Eleven International Publishing: 167—187.

TenHouten W. (2018) «From Ressentiment to Resentment as a Tertiary Emotion» // *Review of European Studies*, vol. 10, no. 4: 49—64.

Tuinen S. van. (2011). «A Thymotic Left? Peter Sloterdijk and the Psychopolitics of Ressentiment» // *Symploke*, vol. 18, no. 1/2: 217—234.

ПОЛИТА

L.G.Fishman

HEIR AND BASTARD

NOTES ON THE SOCIAL GENESIS OF RESENTMENT

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: lfishman@yandex.ru.

Abstract. The article focuses on redefining the social genesis of resentment. The concept of resentment, widely used today in the form shaped by Friedrich Nietzsche and fine-grained by Max Scheler, turns out to be both overly and insufficiently connected to the social structure of the societies, for

the analysis of which it is used. The reason is that although Nietzsche's and Scheler's ideas about resentment refer to the socio-structural aspects of its genesis, they do so in a contradictory and incorrect manner. Without noticing their own contradictions, both thinkers elevate genesis of resentment to the moral standards of the lower classes. Using the examples of younger heirs and bastards of the medieval aristocratic families, as well as the examples of other relatively privileged social groups, the author shows that one should rather seek the genesis of resentment within higher social strata. At the same time, the author shows that the moral feelings and behavioral strategies germane to resentment can be adopted and are adopted by representatives of other classes. In this form, it attracts attention in times when the oppressed classes obtain real opportunities to change their position, or, at the very least, they receive reasons to believe that they could achieve more if such an opportunity had been given to them.

Keywords: resentment, aristocracy, middle class, envy, Friedrich Nietzsche, Max Scheler

References

- Berdyayev N. (1907) *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New Religious Consciousness and the Public]. St Petersburg: Izdanie M.V.Pirozhkova. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_novoe_rel_sozn/01/ (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)
- Bespalova Yu.M. and V.A.Kondakov. (2016) "Prekariat v sovremennoj Rossii: opasnost' resentimenta" [Prekariat in Modern Russia: the Danger of Resentment] // *Izvestija vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologija. Ekonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics], no. 2: 6–11. (In Russ.)
- Bloom H. (2017) *Zapadnyj kanon: Knigi i shkola vsekhn vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Brooks D. (2013) *Bobo v raju: Otkuda beretsja novaja elita* [Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Cherkashina N.V. and T.V.Lavrentieva. (2020) "Vnebrachnye (nezakonnorozhdennye) deti dorevoljutsionnoj Rossii: pravovoj aspekt" [Extramarital (Illegitimate) Children of Pre-revolutionary Russia: Legal Aspect] // *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], no. 1 (181): 194–195. (In Russ.)
- Chukhrov K. (2018) "Kto tvorit revoljutsiju v epokhu spekuljativnogo dizajna?" [Who Makes Revolution in the Age of Speculative Design?] // *Stasis*, vol. 6, no. 2: 156–175. (In Russ.)
- Ebigejl Adams prizyvaet muzha "vspomnit' dam"* [Abigail Adams Urges Her Husband to "Remember the Ladies"]. URL: <https://ru.passosdegegant.com/abigail-adams-urges-husband-to-remember-the-ladies-3754> (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)

Fassin D. (2013) “On Resentment and Ressentiment. The Politics and Ethics of Moral Emotions” // *Current Anthropology*, vol. 54, no. 3: 249—267.

Fransua Rene de Shatobrian: *tsitaty, aforizmy, vyskazyvanija* [François-René de Chateaubriand: Quotes, Aphorisms, Sayings]. URL: <https://aforisma.ru/fransua-shatobrian-citaty/> (accessed on 29.03.2021). (In Russ.)

Fukuyama F. (2018) *Protiv politiki identichnosti* [Against Identity Politics: The New Tribalism and the Crisis of Democracy]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/14/fukuyama-politikaidentichnosti-i-predposylki-grazhdanskoy-voyny-v-ssha> (accessed on 29.03.2021). (In Russ.)

Fussell P. (2021) *Klass: Putevoditel' po statusnoj sisteme Ameriki* [Class: A Guide through the American Status System]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshiej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Giroux H. (2016) *The Authoritarian Politics of Resentment in Trump's America*. URL: <https://truthout.org/articles/the-authoritarian-politics-of-resentment-in-trump-s-america/> (accessed on 29.03.2021).

Greenfeld L. (2012) *Natsionalizm: Pjat' putej k sovremennosti* [Nationalism: Five Roads to Modernity]. Moscow: PER SE. (In Russ.)

Guseinov A.A., ed. *Istorija eticheskikh uchenij* [History of Ethical Doctrines]. Moscow: Gardariki. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gusein/index.php (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)

Heidegger M. (1997) *Bytie i vremja* [Sein und Zeit]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Krastev I. (2021) “Ternii „normal'nosti“: konets epokhi imitatsii” [Thorns of “Normality”: the End of the Era of Imitation] // Rogov K., ed. *Demontazh kommunizma: Tridsat' let spustja* [Dismantling Communism: Thirty Years Later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 46—66. (In Russ.)

Kustarev A. (2017) “The Word of the Day Is Resentment” // *Nepriksnovennyj zapas: Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 1: 3—10. (In Russ.)

Loshkareva M.E. (2017) “Johanna domina Walliae” // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal. History], no. 50: 98—102. (In Russ.)

Mchedlova M.M. and D.B.Kazarinova. (2020) “Politika identichnosti: konkurentsija novykh teoreticheskikh smyslov i politicheskikh strategij” [The Identity Politics: Competition of New Theoretical Meanings and Political Strategies] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 13—36. (In Russ.)

Miller A.I. (2020) “Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamjati i v ee izuchenii?” [Introduction. Big Changes. What's New in the Politics of Memory and in the Study of It?] // Miller A. and D.Efremenko, eds. *Politika pamjati v sovremennoj Rossii i stranakh Vostochnoj Evropy: Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern Europe: Actors, Institutions, Narratives]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 8—15. (In Russ.)

Montesquieu Ch.L. *Persidskie pis'ma* [Lettres persanes]. URL: https://librebook.me/lettres_persanes/vol1/120 (accessed on 30.03.2021) (In Russ.)

Moore R.I. (2007) *The Formation of a Persecuting Society: Authority and Deviance in Western Europe, 950—1250*. Oxford: Blackwell.

Nietzsche F. (1990) “K genealogii morali” [Zur Genealogie der Moral] // Nietzsche F. *Sochinenija: V 2 t.* [Writings: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl’: 407—525. (In Russ.)

Pak Ch. (1997) “Resentiment, otsenka, znanie i sotsial’noe dejstvie v uchenii Maksa Shelera: opyt issledovanija sotsiologii chuvstv” [Resentiment, Bewertung, Wissen und soziales Handeln in der Lehre von Max Scheler: Erfahrung in Forschung Soziologie der Sinne] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 4: 151—164. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/404/1229> (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)

Pavlovsky G. *Ironicheskaja imperija: Risk, shans i dogmy Sistemy RF* [Ironic Empire: Risk, Chance and Dogmas of the RF System]. Moscow: Evropa. URL: <https://pub.wikireading.ru/h89xCeSPZN> (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)

Ponarin E. and B.Sokolov. (2014) “Global’naja politika glazami rossijskoj elity: Analiz dannyx oprosov 1993—2012 gg. [Foreign Policy Views of Russian Elite in 1993—2012] // *Rossija v global’noj politike* [Russia in Global Affairs], vol. 12, no. 5: 100—112. (In Russ.)

Reichold A. (2017) “Resentment and Societal Transformation: A Rule-Related Argument against Martha Nussbaum’s Critique of Anger” // Brunkhorst H., D.Vujadinovic, and T.Marinkovic, eds. *European Democracy in Crisis: Politics under Challenge and Social Movements*. Utrecht: Eleven International Publishing: 167—187.

Sennett R. (2002) *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Shafarevich I.O. (2019) “Ponjatie resentimenta kak instrumenta analiza sotsial’nykh javlenij” [The Concept of Resentiment as a Tool of Analysis of Social Phenomena] // *Sotsiologija* [Sociology], no. 3: 54—58. (In Russ.)

Scheler M. (1999) *Resentiment v strukture moralej* [Das Ressentiment im Aufbau der Moralen]. St Petersburg: Nauka; Universitetskaja kniga. URL: <https://nietzsche.ru/userfiles/pdf/sheler.pdf> (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)

TenHouten W. (2018) “From Resentment to Resentment as a Tertiary Emotion” // *Review of European Studies*, vol. 10, no. 4: 49—64.

Tuinen S. van. (2011). “A Thymotic Left? Peter Sloterdijk and the Psychopolitics of Resentment” // *Symploke*, vol. 18, no. 1/2: 217—234.

Yampolsky M. *V strane pobedivshego resentimenta* [In the Country of the Victorious Resentiment]. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/4887-v-strane-pobedivshego-resentimenta> (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)

Zelenina G. (2017) *Kto takie bastardy?* [Who Are the Bastards?]. URL: <https://postnauka.ru/faq/79120> (accessed on 30.03.2021). (In Russ.)